

1 Почему существует зло?

Больницы переполнены заразившимися. Некоторые люди умерли, или умирают. Церкви закрылись. Ограничено передвижение, люди теряют работу, многие близки к отчаянию.

Как осмыслить произошедшее? Что сказать человеку, который недавно потерял близких? Как представление о благом и всемогущем Боге сочетается со страданиями и смертью, несправедливостью и жестокостью, царящими в мире? Существует ли благой, всемогущий Бог?

Все это не просто аргументы, которые любят использовать противники христианства¹. Часто такие вопросы можно услышать из уст людей, столкнувшихся с личной трагедией и не могущих найти опоры в существующих объяснениях.

Первая реакция христианина на такие вопросы, практически доведенная до автоматизма, будет такой: “это наказание за грехи”. Но почему за грехи одного должен отвечать другой? Например, невинное и чистое дитя — за грехи родителей?

А что если страдает не человек? Как мучительная смерть олененка, получившего страшные ожоги во время пожара в глухом лесу, вписывается в картину благого творения, о котором Бог говорит “хорошо весьма” (Быт. 1:31)? Как быть с таким бессмысленным страданием?

Как в картину благостного творения вписывается зверства нацистов, построивших в Польше ужасающие фабрики смерти, в которых травили газом и сжигали детей и женщин? Теракт в Беслане, взрывы в московском метро, другие примеры ужасающего зла, — как Бог мог все это допустить?

Ясно, что “теодицея наказания” не может объяснить масштабов и глубины кошмара, в который постоянно погружается человечество. К тому же, концепция “мстительного Бога”, применяющего принцип “коллективной ответственности”, не сочетается с евангельской идеей о божественной любви Бога к человечеству (этот контраст — любимая тема некоторых проповедников атеизма). Характер и масштабы зла, совершившегося в XX веке, также заставляют усомниться в достаточности такого объяснения.

Следующая предсказуемая реакция на проблему: “в зле, окружающем нас, виноват не Бог, а человек”. Согласно этому подходу, причина возникновения зла — в неправильном

---

¹“Аргумент от зла” считается главным оружием атеистов. See: Mackie J.L. “Evil and Omnipotence”, 1992.

использовании свободной воли людьми и ангелами. Вроде бы, такой довод работает, но не все так просто. Почему Бог не даровал свободную волю таким образом, чтобы никто из разумных творений не впал в ошибку, не согрешил?

Вполне вероятно, что такая ситуация в принципе (метафизически) нереализуема². В этом случае мы придем к тому, что некое количество зла необходимо для того, чтобы могла действовать свободная воля. Таким образом, Бог допустил его ради некоего “большого блага”, которое “перевешивает” сопутствующее зло. Можно ли считать таким благом саму свободную волю (особенно в виду существования т.н. “ужасающего зла”, вроде концлагерей)? Ответ на этот вопрос является предметом неутрачивающих споров.

Рассмотрим аналогию: отец подарил своему любимому сыну пистолет. Сын вскоре свел счеты с жизнью, выстрелив себе в голову. Не ложится ли часть вины за случившееся на отца, особенно, если тот знал о склонности своего сына к самоубийству? В этой аналогии отец — Бог, сын — человечество, пистолет — свободная воля. Если мы принимаем, что Бог дал человеку свободную волю, сложно делать вид, что Он не имеет отношения к разразившейся трагедии.

Итак, по мнению многих мыслителей цена свободной воли для человечества оказывается слишком высокой³, особенно в виду христианского учения о вечной муке. Если “побочным продуктом” дара свободной воли является вечное страдание некоторых разумных существ, то теодицея невозможна⁴. Это, впрочем, не означает, что атеистический “аргумент от зла”⁵

---

²Компатибилистский вариант, при котором свободная воля это всего лишь желание, а не возможность выбрать, я не рассматриваю, т.к. свобода воли интуитивно связывается нами с возможностью реального выбора. Вариант, когда Бог предопределяет наше “желание” с помощью “дизайна” и врожденных свойств, явно перечеркивает саму идею свободы.

³Справедливости ради, нужно отметить, что это утверждение не является логически безупречным. Грань, определяющая “адекватную цену” является по сути произвольной. Как бы ни убавлялось количество зла в мире по требованию критика, он всегда может сказать, что оставшееся его количество является избыточным (например, для функционирования свободы выбора).

⁴Встает вопрос: почему благой Бог не предотвратил фатальную ошибку, ставшую причиной вечного мучения некоторых разумных творений? Если же вечная мука — неизбежный “побочный продукт” свободной воли (допустим, свободная воля без вечной муки для некоторых несчастных — метафизически невозможна), то по какой причине благой и всеведущий Бог все-таки решает сотворить человека? Мы не можем дать конкретного, уверенного ответа. Теодицея невозможна.

⁵Простейшая формулировка “аргумента от зла”: благой, всемогущий Бог не может допустить зла. Зло несомненно существует. Благой, всемогущий Бог не существует.

работает. Мы можем предложить т.н. “защиту”: мы верим, что у Бога есть причина, по которой он допускает такое зло, *но не знаем этой причины, а можем лишь догадываться о ней*⁶. Это все, что христианин может возразить атеисту, не впадая в оригенизм.

К аргументу от свободной воли обычно присоединяют рассуждение о “меонности” зла⁷. Благой Бог не мог сотворить ничего плохого, однако мы наблюдаем проявления зла в мире. Откуда взялось зло, если оно не сотворено?

Во-первых, зло могло существовать всегда, наравне с Богом. Это означало бы, что могущество Бога ограничено противоборствующим злым началом (например, хаосом), или злым божеством. Христианин не может принять такую картину мира, ведь Бог — всесовершенное Существо, с Которым ничто не может соперничать.

Во-вторых, зло, быть может, лишь кажется человеку злом, а на самом деле, сталкиваясь с неприятными и даже невыносимыми ощущениями и фактами жизни, мы всего лишь обобщаем свой негативный опыт и так делаем вывод о существовании универсального зла. Что если зло это всего лишь одна из сторон реальности, которая нам “не нравится”? Такой взгляд вполне можно вписать в религиозную картину мира: многие представители восточных религий успешно делают вид, что никакого зла на самом деле не существует.

Третий вариант: зло это не сущность (а значит, — не сотворено и не существует предвечно). Оно является только как результат неверного направления свободной воли. Связав эту неоплатоническую идею с библейским нарративом о грехопадении, Ориген на Востоке и Августин на Западе предложили новое объяснение зла, прочно вошедшее в традицию христианского богословия. Сторонники этого аргумента часто используют метафору тьмы и света. Как тьма не есть сущность, а всего лишь недостаток света, так и зло — всего лишь недостаток добра.

Заметим, что в результате мы по-прежнему не можем ответить на вопрос: откуда взялся “недостаток добра”, если все творение

---

⁶Перефразируя А. Плантингу: теизм непротиворечив, так как у Бога могут быть причины допущения зла, о которых теисту не обязательно сообщать в первую очередь.

⁷От греч. μὴ ὂν, не существующее. Я мог бы использовать русское слово “ничтожность” в этом специфическом смысле, но оно обладает характерным оттенком, который иллюстрирует богословское затруднение: мы хотим указать на то, что зло не имеет сущности, а по сути заявляем, что зло это мелочь, которой следует пренебречь.

“хорошо весьма”? Откуда взялась тьма в полностью светлом мире? К тому же, “меонное” объяснение слишком похоже на буддийское “зло не существует”. Человек это не полено, плывущее по реке, он замечает активную природу зла, ее особенную злокозненность, античеловечность. Этическая уязвимость этой позиции также очевидна. Распространяться о меонности зла у одра умирающего ребенка — непростительная жестокость по отношению к нему и его родителям. Этот аргумент в его “чистом виде” следует оставить для академических дискуссий, он почти непригоден при встрече с реальным человеческим горем.

Впрочем, можно предложить другую, более “активную” аналогию: зло как волна⁸. Волна не является частицей, а зло не является сущностью. Но оно не становится от этого бездейственным: отрицательная энергия зла накапливается, несправедливость и жестокость все возрастают, и наконец на человечество обрушивается “девятый вал” зла, сметая все на своем пути.

Из этого можно извлечь нравственный урок: испытывая на себе действие зла, мы можем увеличить его амплитуду, ответив на него собственным злом, а можем погасить негативную волну (часто ценой собственного страдания) и остановить ее разрушительное движение (см. Рим. 12:21).

В отношении природы зла есть еще одна полезная интуиция. Св. Василий Великий различает “зло в ощущении” и зло “по существу”⁹. Все мучительное, неприятное для человека имеет свою причину в зле по существу (в грехе, в страстях). Например, войны, геноцид, убийства, притеснение слабых, бедность — следствие нравственной испорченности человека. Нам некого винить в своих бедах, кроме самих себя. Осознание этого факта дает некоторое утешение и смягчает остроту проблемы зла.

В данном случае во главу угла ставится не преступление и наказание, а болезнь и исцеление человеческой природы. Грех это болезнь, поразившая нашу волю. Мы болеем злом и заразили им остальной космос. С тех пор зло паразитирует на человеческой природе, оно — как гниль на дереве, ржавчина на металле. Гниль, ржавчина не может существовать без вещества. В этой аналогии Бог это не космический Судья,

---

⁸В таком случае откуда взялась первая “рябь” зла на поверхности чистого озера сотворенной природы? Отсутствие ответа на вопрос о первой причине — встроенный недостаток любых моделей, основанных на представлении о зле как недостатке добра.

⁹See: Basilus Theol. Quod deus non est auctor malorum. PG 31.333.5-10 (О том, что Бог не виновник зла).

выносящий смертные приговоры направо и налево, а хирург, с помощью острого скальпеля удаляющий гниющие члены с тем, чтобы спасти пациента (св. Василий также использовал образ прижигания раскаленным инструментом для остановки заражения в организме).

Заметим, что этот вариант теодицеи тоже не отвечает на вопрос, откуда взялось зло, как появилась первая “бацилла” этой страшной болезни.

Возможно, что в появлении зла виновата некая дефицитарность творения, его случайная природа. Она не связана с ущербностью “дизайна”, но существует по причине того, что все, кроме Бога, “начало быть” (Ин. 1:3). Причина зла — то самое “ничто”, из которого сотворен мир, и к которому он неудержимо стремится.

Вернемся к вопросу о “естественном зле”. Каким образом свободная воля человека связана с катаклизмами, потрясающими природу? Почему происходят землетрясения, тайфуны, пожары? Многие христианские мыслители говорили о том, что грехопадение “сломало” добрый мир, сотворенный Богом. Таким образом неверное направление свободной воли является причиной не только нравственного, но и естественного зла.

Эта позиция связана с серьезными трудностями. Не будем отвлекаться на частности, попытаюсь примирить научный “таймлайн” с библейским “Шестодневом”¹⁰. Главная богословская проблема гораздо серьезнее — эволюция наших представлений о масштабе “вселенной”. Понимание устройства мира очень серьезно изменилось с тех пор, как о проблеме зла писали Каппадокийцы. Звезды отступили на немыслимое расстояние, превратившись в гигантские раскаленные шары плазмы, а вещество оказалось состоящим не из четырех стихий, как учили отцы, а из мельчайших частиц, невидимых глазом¹¹.

¹⁰В соответствии с современными научными представлениями человек появляется в мире слишком поздно. Жестокость и смерть существовали на Земле задолго до того, как Адам и Ева (если они вообще существовали как конкретные личности) могли стать причиной этих ужасов. Попытки прямого совмещения этих взглядов с рассказом “Шестоднева” вызывает большие трудности. В результате все более привлекательными становятся альтернативные модели совмещения Библии и науки (альтеризм).

¹¹И это еще пол беды. Выяснилось, что в микромире действуют не законы причины и следствия, а статистические закономерности, в основе которых лежит случайность. Это коренным образом меняет наше представление о мире. Автоматон Аристотеля вновь поднимает голову, а представление о непрерывном Промысле подвергается серьезному испытанию. Впрочем, некоторые богословы используют “случайность” как основу теодицеи. Так Питер ван Инваген допускает, что иногда “вещи просто случаются”. Евангелие не говорит нам, что любое событие имеет особый смысл. Оно учит нас просить Бога о помощи, чтобы пронести данный нам крест.

В результате грехопадение приобретает совершенно титанический масштаб. Оно не просто выращивает шипы у розы и внушает комару желание напиться крови грешников. Учитывая то, что существование материального мира, по-видимому, изначально связано с энтропией, тлением (иначе мы бы не видели звезд, излучающих свет в результате реакции ядерного *распада*), Адам и Ева фактически становятся “демиургами”, которые изменили замысел Творца о мире и полностью пересоздали его в совершенно ином, мрачном ключе¹². Ведь смерть живых организмов это следствие энтропии, а она встроена в круг жизни: сменяемость поколений наблюдается в нашем мире с незапамятных времен и предшествует появлению человека.

Вероятно, область, затронутая грехопадением должна быть ограничена человеческой нравственностью и человеческой смертностью. Энтропия и распад, судя по всему, встроены в нашу вселенную с самого начала, хотя действие тления после грехопадения могло заметно усилиться, по крайней мере, в отношении самого человека.

Возможно, подходящим решением, которое не противоречило бы столь остро современной космологии и не создавало бы разрыва с традиционным библейским представлением о Творении, является представление о Эдеме как некоем “эксклаве”, где Бог сохранял первых людей от разрушительного действия хаоса. Здесь не было смерти, все живое существовало в гармонии, но вне границ Эдема действовали силы распада. Грехопадение переносит первых людей во внешний мир болезней, страдания, постоянной борьбы за выживание...

Оставим в стороне второстепенные проблемы этой картины и обратимся к главной: мы по-прежнему рассматриваем возможность творения Богом смерти. Но “Бог не сотворил смерти и не радуется гибели живущих” (Прем. 1, 13).

Некоторые мыслители пытаются обойти эту трудность рассуждением о том, что биологическая смерть в животном мире это нечто естественное, свойственное неразумной природе, смерть же в библейском смысле соединена именно с грехопадением. Возможно, грехопадение усилило степень разрушения (например,

¹²Можно рассмотреть альтернативную идею о творении мира Богом как набора вероятностей, мира, похожего на волновую функцию в физике. Адам и Ева “заглянув внутрь” (познание добра и зла) схлопывают эту функцию по самой неблагоприятной “траектории” и оказываются в середине истории мира, где царствует энтропия и уже “задним числом” вымерли тиранозавры. Такая модель также подвержена озвученному недостатку: роль Адама и Евы в истории мира возрастает до непропорциональных масштабов. С другой стороны, такое решение снимает проблему естественного зла и смягчает взаимное противоречие современной космологии и библейской картины мира.

соединило смерть со страданием для животных, которые раньше умирали безболезненно), но сам принцип тления уже присутствовал во вселенной.

Можно предположить, что энтропийность сотворенного мира связана с необходимостью: хаос, стохастическая неопределенность нашей вселенной создают среду, где человек может не только однажды проявить свою волю, но снова и снова переживать неопределенность и выбирать.

Энтропия как дизайн, как конструктивная особенность вселенной, заложенная Творцом, может быть основой для нового ответа на аргумент от зла, сочетающего черты теодицеи свободной воли и еще одного подхода к проблеме, который мы сейчас рассмотрим.

Обучение человека добродетели является лейтмотивом т.н. “воспитательной теодицеи”, родоначальником которой считают св. Иринея Лионского. Зло попущено Богом для того, чтобы человек научился управляться со своей волей, достиг нравственного совершенства. Интуиция воспитания кажется правильной, в нее вписывается библейская тема Бога как Отца, а людей как детей Божиих.

Впрочем, эта аналогия имеет другую, острую сторону: какой отец в процессе воспитания “отбраковывает” детей, отправляя неудачников “во тьму внешнюю”, навсегда? Вероятно, только очень жестокий. Именно поэтому теодицея воспитания в современном виде часто имеет логичное дополнение: после завершения воспитания, Бог восстановит “неудачников” в первоначальном состоянии¹³. Это развитие окрашивает саму идею воспитательной теодицеи оттенком оригинализма.

Дополнительным аргументом в пользу воспитательной теодицеи считается т.н. “вторичное добро”. С этим связан хрестоматийный пример: во время военных действий в окоп прилетает вражеская граната. Все присутствующие должны погибнуть. Однако, один из солдат закрывает гранату своим телом и героически спасает остальных. Этот подвиг самопожертвования был бы невозможен, если бы не существовало войны, гранат и самой смерти.

В этой истории можно усмотреть метафору Креста. Ведь если бы не существовало зло, невозможен был бы и подвиг Господа Иисуса. Бог хотел пострадать за людей, пройти через муки энтропийного, падшего мира, чтобы сделать нас Своими друзьями (см. Ин. 15:14). Так, чтобы мы вместе с

¹³See: *Hick John*, *Evil and the God of Love*. Palgrave Macmillan, 2010

Ним праздновали победу над смертью и тлением в вечном Воскресении.

Теодицея Креста и Воскресения помогает преодолеть шок, возникший у человечества, столкнувшегося с демонической жестокостью нацизма и большевизма. Сын Божий разделит муки безблагодатного человечества и всех привлеч к Себе (Ин. 12:32). Христианин не может рассматривать проблему зла в отрыве от Креста и победы над смертью в Воскресении.

Это поистине космическая победа, исполняющая божественный замысел о мире и человеке, упраздняющая случайное и преходящее, утверждающая вечное и нетленное. В Воскресении из мертвых уже нет “или”, а есть только “да”, обращенное к Богу.

Hick John. Evil and the God of Love. Palgrave Macmillan, 2010.